
Владимир ШЕМШУЧЕНКО

* * *

Опустилась на кончик пера
Паутинка прошедшего лета.
Никогда столько синего цвета
В небесах я не видел с утра.

Только свет и полет мотылька...
Ни истерик тебе, ни мистерий!
Я — смиреннейший подмастерье,
Данник русского языка.

* * *

Событий у нас маловато.
Зима вот случилась вчера...
Соседи достали лопаты
И выгнали снег со двора.

А мой — развеселенький, вкусный! —
Лежит себе, радует глаз.
Хрустит на зубах, как капуста.
Впервые, сегодня, сейчас!

Соседи, родные, Бог в помощь!
(Какой восхитительный слог!)
Я первый свой снег — несмышлениш —
Слизал с материнских сапог.

Уколы запомнил, микстуры —
И прочая там беготня...
А сестры — ну полные дуры!
Еще и лечили меня:

Изрезали тюль на халаты,
Нарыли в шкафу рыбий жир...
У-у-у! Как же я жаждал расплаты!
Поэтому, видимо, жив.

Владимир Иванович Шемшученко родился в 1956 году в Караганде. Окончил Киевский политехнический, Норильский индустриальный, а также Литературный институт им. А. М. Горького. Работал в Заполярье и Казахстане. Автор пятнадцати поэтических книг. Член СП. Живет в г. Всеволожске (Ленинградская область).

Событий у нас маловато...
Вздыхаю и тихо скорблю...
Соседи — опять за лопаты!
И я их за это люблю!

* * *

Бессмысленно былое ворошить —
Пока я к лучшей участи стремился,
Двадцатый век оттяпал полдуши
И треть страны, в которой я родился.

И я тому, признаюсь, очень рад —
Похерив все небесные глаголы,
Кремлядь не прикрывает куцый зад,
И близятся костры Савонаролы.

Приветствую тебя, средневековье!
Мне обжигает лоб печать твоя!
Я жгу стихи, мешаю пепел с кровью
И смазываю петли бытия.

О, как они скрипят! Послушай, ты,
Бегущий мимо к призрачному раю!
Я для тебя — в лохмотьях красоты —
На дудочке поэзии играю.

* * *

Наливаются яблоки, ветви пригнув до земли.
После долгих дождей в полный рост поднимаются травы.
Дядька в Киеве верит, что воду в Днепре москали
Отравили не корысти ради, а ради забавы.

Украинская полночь для дядьки — тиха и темна —
Лучше времени нет перепрыгивать польское сало...
А ко мне в полнолуние приходит Олесь Бузина,
И вселенской тоской от Обводного тянет канала.

Он садится за стол и усмешкой коверкает рот,
И с пустого лита мои мысли наотмашь читает...
Дядька в Киеве верит, тоску буряковую пьет
И из сердца (меня!) пятерней на паркет выжимает...

* * *

Позарастала жизнь разрыв-травой.
Мы в простоте сказать не можем слова.
Ушел, чтоб не нарушить наш покой,
Безвестный гений, не нашедший крова.

Как в ржавых механизмах шестеренки,
Скрипят стихи — поэзия мертва.
Мы днем и ночью пишем похоронки
На без вести пропавшие слова.

* * *

Прилетел ветерок, и проснулась волна на лимане —
Вроде так, пустячок, ведь бывало такое не раз...
Но стоит Крымский мост и морзянит огнями в тумане,
И на этом вполне можно было закончить рассказ.

Но мерцает строка, за стальные цепляется сваи,
Перебранкой машин подтверждая рождение свое.
Теплоходик надсадно кричит, и как будто взлетает,
И соленую воду винтами железными бьет.

Разгорается день — на вчерашний совсем непохожий,
Приближая друг к другу влюбленные в жизнь берега.
И представить нельзя — можно только почувствовать кожей,
Что уже невозможно чужим поклоняться богам.

Так ликуй, человек! Ты смог, ты дерзнул, ты — достоин!
Говори в полный голос и полною грудью дыши!
Если инок — молись! Матерей защити — если воин!
Но дострой свою песню — иному сего не свершить!

* * *

Петь не умеешь — вой.
Вить не умеешь — молчи.
Не прорастай травой,
Падай звездой в ночи.
Не уходи в запой.
Не проклинай страну.
Пренебрегай толпой.
Не возноси жену.
Помни, что твой кумир —
СЛОВО, но не словцо...
И удивленный мир
Плюнет тебе в лицо!

* * *

Ветер замел под ковер облетевшей листвы
Милые глупости и разговоры о лете.
Перелиставший Сервантеса северный ветер
Жестью на крыше грохочет... Ах, если бы вы
Или другой кто-нибудь на веселой планете
Вместе со мной расплескал по страницам печаль.
Впрочем, о чем я? Никто за меня не в ответе —
Сею стихи — вырастает дамасская сталь.
Некто однажды сказал мне: «Иди, дождь с тобою...»
(Был он, признаюсь, смешон и довольно нелеп.)
После писал мне невнятное что-то из Трои
И наконец замолчал, потому что ослеп.
Чертово время! Бегу, как собака по следу,
За показавшими гонор и прыть в человеческих бегах.
Если сегодня же ночью я Троию спасти не уеду,
То на рассвете в «испанских» проснусь сапогах!

* * *

Блажен, кто по ночам не спит
И времени не замечает,
Кто сыт пустым недельным чаем,
Кто знает — ДУХ животворит.

Блажен, кто верую горит
И в этом пламени сгорает,
Кто на путях земного рая
Взыскует скорбь в поводьдери.

Переосмысливаю быт.
Переиначиваю строки.
Когда горланят лжепророки,
Поэт молчаньем говорит.